КАК СЛАДКУЮ ПЕСНЮ ОТЧИЗНЫ МОЕЙ, ЛЮБЛЮ Я КАВКАЗ!
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Литературный КАВКАЗ

№6 (13)
Апрель, 2012

ИЗДАНИЕ КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ КАВКАЗА

Газета распространяется в городах: Краснодар, Майкоп, Черкесск, Нальчик, Магас, Грозный, Махачкала, Баку, Ереван

КЛАССИК КАЛМЫЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Слово с честным Делом сочетая,
Нет, не в скорописи утверждал я
Верность Правде и стране родной.
Нет, за все, что высказано мной,
Мукой не боялся отвечать я,
Все скрепил я кровью, как печатью.

ИМЯ, ОСВЯЩЕННОЕ СЛАВОЙ

Давид Никитич Кугультинов – выдающийся калмыцкий поэт, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР и России, родился 13 марта 1922 года в хотоне Абганер Гаханкин Сладковского сельсовета Западного района Калмыкии, в семье сельского учителя. Первый сборник его стихотворений «Стихи юности» вышел в 1940 году в Элисте, когда поэту было восемнадцать лет. В том же году Д. Кугультинов был принят в Союз писателей СССР.

В то тревожное время, когда, наполняясь живительным соком, расцветал его талант, грянула война. В 1942 году, находясь в действующей армии, он пишет:

Клянусь! И клятвы своей вовек
не нарушу я:
Не убегать от стонов мира,
Не отступать от зовов мира,
Да выдержит сталь оружия
Я болью своей и гневом буду стрелять!

Давид Кугультинов не изменил своей клятве, но судьба готовила другой, страшный и коварный удар. В конце декабря 1943 года, в разгар ожесточенных боев с фашистами, весь калмыцкий народ в одночасье был насильственно депортирован в Сибирь. Всех калмыков, воевавших на фронте, сняли с передовой и отправили в ссылку. Среди них был и Давид Кугультинов. Но он, верный своей клятве, не мог молчать во время всеобщего горя родного народа. И, как следствие, не без помощи доносчиков, поэт «за клеветнические стихи, угрожающие устоям советского государства», был осужден на десять лет тюрьмы. Позже он напишет об этом в своей знаменитой поэме «От правды я не отрекался»:

Из-за стихов цветок полураскрытый,
Недолгой юности моей рассвет
Отравлен клеветою ядовитой...
Близ океана, в стуже ледовитой
Провел я десять бесконечных лет
За проволокой частой и колючей,
Похожей на тенета паука,
Где холодно и жадно – по паучьи -
Высасывала сердце мне тоска.

В известной поэме «Моабитский узник», вышедшей в 1958 году, поражают своей точностью детали тюремного быта, изображение особой атмосферы в камере и описание душевного мира героев поэмы, находящихся в заключении. В этом произведении, по признанию самого поэта, говорится о советской тюрьме, ужас и бесправие которой ему довелось пережить.

После исторического XX съезда КПСС, развенчавшего культ личности Сталина, Д. Н. Кугультинов среди тех, кто активно участвует в возрождении и восстановлении автономии родной республики.

60-70-е годы были очень плодотворными и стали, на мой взгляд, этапными принципиальной новизной, глубиной и широтой философских параметров в творчестве поэта. Именно в это время им создан знаменитый философский цикл стихотворений «Жизнь и размышления», поэмы «Бунт разума», «Шахматист», «Повелитель время», «Явление слова», «Сар-Герел» и др.

«Стихи, - говорил Д. Кугультинов, - не ребусы для тренировки мозга. Они должны быть ясными и нести мысль, делающую хоть маленькое, но открытие». Новаторство в литературе требует большого и напряженного труда. Давид Кугультинов необычайно расширил горизонты калмыцкой поэзии, наполнив ее современным философским содержанием, придав ей мощный динамизм, масштабность сюжета, событийную насыщенность.

Творчество поэта - это гимн человеку. Человек является центральным существом в его поэзии. Вот, например, стихотворение «Солнце - человек».

Вчера, открыв подаренный мне том
Данилова - якутского поэта,
Я взволновался: я узнал о том,
Что «Солнце» — наш исток добра и света,
Как мне поведал мой якутский друг,
Зовется - «Кюн»...
Знакомый с детства звук!
Слова, слова!.. По ходу ваших вех
Мы вглубь вникаем, тайное распутав...
«Кюн» - это светоч мира для якутов,
«Кюн» для калмыков - это «Человек»...
Два слова схожи в сокровенной сути,
Как Солнце - Человек!..
Не позабудьте!

Во всем мире известен древний калмыцкий эпос «Джангар» - великое творение устной народной поэзии. «В те счастливые часы, - признавался Д. Кугультинов, - когда я прикасаюсь к страницам великого творения - «Джангара», я каждый раз открываю для себя совершенно новое... В такое мгновение, кажется мне, что я вхожу в гармонию со Вселенной и Вечностью...»В XX веке таким же ярким поэтическим символом Калмыкии стало имя самого Давида Кугультинова, личность и творчество которого стали достоянием современного мира.

Судьба подарила мне радость общения и встреч с ним - мудрым человеком и вели-

Окончание на стр.2

ДЖАНГАР

КАЛМЫЦКИЙ ЭПОС

Это было в начале времен,
В стародавний век золотой.
Вечности начинался расцвет.
Величавый брезжил рассвета
Веры бурханов святой.
Джангар жил в эти дни.
Круглым остался он сиротой.
Так о нем говорят:
Таки-Зулы-хана он семенем был,
Тангсык-Бумбы-хана внуком он был,
Узюнга великого сыном он был.

Узнал он рано войну,
Ужас прошел по отчизне его:
В лето второе жизни его
Вторгся жестокий мангас в страну.

В третье лето вступив едва
(Арназалу – его коню –
Было в то время только два),
Джангар сел уже на коня.
Поскакал он, броней звеня,
Трех крепостей разрушил врата –
Трехгодовалый сирота,
Гулджин-мангаса себе покорив.
В четвертое лето вступив,
Четырех крепостей врата

Продолжение на стр.3

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Уважаемый Николай Доржинович! Сердечно поздравляю Вас от имени Президиума Клуба писателей Кавказ, давно народного и всеобщего любимца кавказских писателей, с присвоением Вам, наконец, официально заслуженного звания «Народный писатель» Калмыкии». Желаю Вам здоровья и творческих удач на радость всех Ваших поклонников. Это звание Вы могли получить много лет назад в силу определённых обстоятельств – Кирсан, Ваш сын, был Президентом Калмыкии много лет. Но природная скромность Ваша и воспитанного Вами сына Кирсана, это заслуженное звание несколько подзадержалась. Однаоко, Вы были им, признанным народом писателем, произведения которого вселяли неистребимый дух в сердца людей в самых безнадёжных ситуациях. За это Вам благодарен весь Кавказ, и особенно – народы перенесшие жестокие годы изгнания!

Мы благодарны судьбе за то, что есть у нас такие как Вы!

САЛИХ ГУРТУЕВ

ИМЯ, ОСВЯЩЕННОЕ СЛАВОЙ

Окончание. Начало на стр.1

ким поэтом. Каждый раз я поражался стремительному ходу его мыслей, с увлечением и громадным интересом следил в беседе за его размышлениями, которые были настолько оригинальны, образны, свежи, что можно было слушать его бесконечно, наслаждаясь глубиной суждений, блеском ума.

Произведения Давида Кугультинова стали частью современной духовной жизни и заняли достойное место в мировой литературе. Но его личная жизнь состоит из не менее ярких, а может быть, и более ценных поступков, в которые он вложил свою душу, на мой взгляд, не меньше чем в созданные им книги.

Я близко видел его в годы наиболее активной общественной и политической деятельности, когда он был народным депутатом Верховного Совета СССР, секретарем Союза писателей СССР и РСФСР, делегатом от нашей республики на многих исторических форумах, определявших тогда судьбу страны. И везде он выступал настолько ярко, убедительно и вдохновенно, что даже представители иных крупных республик Союза верили ему больше, чем собственным депутатам, обращаясь за помощью по своим наболевшим проблемам. Это были годы прозрения, когда окончательно рухнул «железный занавес», это было время борьбы за новую жизнь, время больших надежд на лучшее будущее... Давид Никитич тогда часто бывал в Союзе писателей Калмыкии, в редакции нашего журнала, где подробно рассказывал об увиденном. А география его поездок была обширна: Китай, Индия, США...

Давид Кугультинов, на мой взгляд, обладал самым редким мужеством -мужеством мысли, и потому его судьба нерасторжима с жизнью народа, славой и гордостью которого он является.

Он был Провидцем, мудрое Слово которого вместило в себя целую эпоху.

Поэт всем существом и обликом своим, действием подтверждал могучую силу своей поэзии. Кажется, Батюшков сказал: «Пиши, как живешь, и живи, как пишешь»3. Именно по такому принципу жил Давид Кугультинов:

Слово с честным Делом сочетая,
Нет, не в скорописи утверждал я
Верность Правде и стране родной.
Нет, за все, что высказано мной,
Мукой не боялся отвечать я,
Все скрепил я кровью, как печатью.

Несмотря на всемирную славу, Давид Никитич был открытым и доступным, доброжелательным в общении человеком.

Вокруг него всегда возникала особая атмосфера сердечности и нравственной чистоты.

Давид Кугультинов – радость и праздник нашей жизни. Он был нашим другом, живой легендой, образцом и учителем для поэтов. Исключительный, талантливый человек – статный, колоритный, прозорливый, голос – приятный, бархатный баритон, умел держать себя в любой ситуации, был необычайно остроумен, превращал обычные будни в волшебные часы общения. Давида Никитича всегда окружали люди, он был украшением любого общества, душой любой компании. Он обладал феноменальной памятью – знал наизусть многие произведения своих любимых поэтов – Пушкина, Лермонтова, Есенина, Тютчева.… На родном языке цитировал по памяти песни из "Джангара", фольклора.

Михаил Дудин говорил о нем: «Давид Кугультинов! Я произношу это имя вслух, и передо мной встает как бы высеченное из диабаза ветрами времени его лицо с узким прорезом глаз, привыкших смотреть сквозь ветер и поднимаемую им дорожную пыль на восходящее солнце. Его лицо – это лицо его народа…».

Д. Кугультинов испытал в своей жизни и падения и взлеты, и горечь и сладость, сам он говорил о ней: «Жизнь! Сурово душу проверяя, как меня ни устрашала ты? Обстреляла на переднем крае, опоила ядом клеветы…»

Поэт был лидером и по масштабу дарования, по своим внешним и внутренним качествам. Он понимал свою ответственную роль ведущего поэта. Все на Него смотрели. Он же был красив, величав, мудр и, как сказал Ярослав Смеляков, с «сократовской головой». Конечно, он стремился быть свободным человеком и жил в своем свободном творческом измерении. Давид Никитич был озабочен судьбой родного языка, с горечью говорил мне, что "немыслима любая культура без существования языка. Язык любого народа – факт существования человечества. Не было бы ни Эйнштейна, ни Ньютона, ни Гомера, ни "Джангара", если бы не было Слова, которое, как сказано в Евангелии от Иоанна, есть – Бог". Он болел душой, потому что понимал, что «именно родное слово, отточенное классиками, закладывает в нас национальный культурный код». Человек не прочитавший в свое время книг калмыцких писателей не будет иметь глубинной, духовной связи со своим народом.

Давид Кугультинов знал свою родословную до восьмого колена и происходил из рода «кельденгюд», то есть «красноречивых, словоохотливых». Может быть, поэтому он стал и выдающимся оратором. Мне запало в душу, как в апреле 2002 года, 80-летний поэт, выступая перед студентами КГУ напутствовал их : "Будьте верны дружбе, любви – не изменяйте чистоте. Любите своих родителей. Поверьте, никто Вас не любит так, как ваши отец и мать. И не считайте, что вы умнее своих родителей. Надо иметь моральное право сказать, я думаю иначе, чем вы. Никогда не переступайте нравственной черты. Того, кто родителей предал, века проклянут". Эти его слова – завещание, наказ всем нам, живущим.

Он был однолюбом. Более шестидесяти лет он прожил со своей любимой женой Аллой Григорьевной. Она была его ангелом хранителем, и он не смог пережить расставания с ней – умер через три месяца вслед за своей берегиней.

Литературное наследие Давида Кугультинова, наряду с "Джангаром", главное духовное сокровище калмыцкого народа, и наш долг бережно хранить это богатство.

В последние годы Давид Никитич часто звонил мне, иногда приглашал к себе, мы подолгу говорили на разные темы. Конечно, он общался и с другими нашими писателями, плохо видел, но хотел слышать наши голоса. Он любил людей. Умирая, прошептал: "Я всех вас люблю". А теперь нам так не хватает его.

Давид Кугультинов признавался: «Свой тайный смысл мне открывают вещи». Он был посвященным не только в природу происхождения вещей окружающего мира, но и сумел заглянуть в души миллионам читателей и навсегда увлечь их своим мудрым всемогущим Словом.

Трудно говорить о нем в прошедшем времени. Мне кажется, он - рядом, надо лишь открыть томик стихов... У него есть стихотворение «Древо жизни», в котором есть такие строки:

Нас всех оберегают от беды
Слова Шекспира, Пушкина, Толстого.
Пока они в душе у нас звучат,
Сознанью нашему не страшен яд.
Но если вдруг иссякнет их струя,
Блаженного источника не станет -
Поблекнет смысл и радость бытия,
И древо жизни, почернев, увянет.

Давид Кугультинов - это и есть мудрое, щедрое Древо, взращенное бурханами на нашей многострадальной, но не обделенной счастьем земле, которое будет вечно благоухать, оберегая своей светоносной силой наш народ от бед и напастей, украшать нашу жизнь, делая ее чище и добрее.

ЭРДНИ ЭЛЬДЫШЕВ,
Народный поэт Калмыкии,
Председатель калмыцкого регионального отделения Клуба писателей Кавказа

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ,
НАРОДНЫЙ ПОЭТ КАЛМЫКИИ

ОТ ПРАВДЫ Я НЕ ОТРЕКАЛСЯ

За то, что я посмел в крутое время
Судить в стихах жестокий произвол,–
Ни денег я не получил, ни премий,
Широкой славы я не приобрел…
Да это, может статься, и не надо.
Иною – высшей – счастлив я наградой

В то время
гнев несправедливый, дикий
Нас подавил…
и свет для нас потух.
И даже слово самое – «калмыки»
Произносить боялись люди вслух.

Тогда
слезами рифмы закрепляя,
Я для друзей писал,
я утешал
Тех, кто был изгнан из родного края…
Я говорил им: прекратится шквал,
Исчезнет все, что наши души гложет,–
Померкнуть солнце Ленина не может!

Давал я клятву
фактам вопреки:
Не то, что дети, даже старики –
Весь наш народ калмыцкий возвратится
К могилам предков, к дорогой земле…
И видел я, как молодеют лица,
Как просветленная слеза катится
По бронзовой, обветренной скуле…
Добрели люди, о добре заслыша,
И это было мне наградой высшей.

За то, что я посмел, хотя б отчасти,
Судить в стихах жестокий произвол,
Не только славы я не приобрел,
Но на меня посыпались напасти.
Из-за стихов,
по их живому следу,
Ко мне ворвался ветер ледяной.
И праздник мой,
желанную Победу,
Я встретил за тюремною стеной.
В тот день весенний,
счастье возвещавший
Деревьям,
птицам,
людям…
всей стране, –
Я Родину, как сердце, защищавший,
Отчаясь,
грыз решетку на окне…
Не слышал,
что кричат мне снизу
грубо,
Не замечал я,
что крошатся зубы,
Что штукатурка сыплется…
Пока
(Еще не в голову, еще без злобы)
Стреляли в стену
часовые,
чтобы
Поглубже в камеру загнать «зека»…
Из-за стихов
цветок полураскрытый,
Недолгой юности моей рассвет
Отравлен клеветою ядовитой…
Близ океана,
в стуже ледовитой
Провел я десять бесконечных лет.
За проволокой частой и колючей,
Похожей на тенета паука,
Где холодно и жадно –
По-паучьи –
Высасывала сердце мне тоска;
Где только
в снах цветных
скользило мимо
То, что когда-то наполняло стих:
И образ нецелованной любимой,
И степь моя –
В тюльпанах золотых…
В те злые годы леденящей стужи
Что не бывало?..
Страхом сражена,
Иная – даже верная – жена
Писала отречение от мужа.
И выбраться стремясь из липкой сети
(Ведь надо ж как-то жить в конце концов!),
Иные – даже любящие –
Дети,
Рыдая, отрекались от отцов,
И те, кого считали храбрецами,
Друзей и правду предали,
дрожа…
Бесценной шкурой, что-ли, дорожа,
Хоть голубыми не были песцами!..
Но как бы круг порочный не смыкался,
Как ночь над нами ни была глуха –
От правды я своей не отрекался,
Не отступал от своего стиха!..
Не потерял и совести от страха,
Не позабыл природный свой язык,
Под именем бурята иль казаха
Не прятался…
Я был и есть калмык!
Ни под каким нажимом и допросом
Не осквернил души своей доносом!
И эта непричастность к силе зла
Наградой высшей для меня была.

Я был душой с народом,
втайне веря,
Как весь хороший, честный мой народ,–
Что к подлым слугам
кровожадных Берий
Расплата – рано ль поздно, –
так думал я, –
неистов, –
От них очистится, воспрянет вновь
Россия Пушкина и декабристов,
Россия Ленина,
его любовь!
Я знал, что мой народ
в лесах Сибири
Нашел друзей и вновь душой окреп
Средь лучших русских,
средь щедрейших в мире,
Деливших с нами
и судьбу, и хлеб.
Я жил и верил:
сгинет мрак проклятый,
И хоть сгущалась мгла со всех сторон,
Калмыцким сердцем верил
в Съезд Двадцатый
Не думая как будет зваться он…

И вот теперь, когда
прозрачны зори
И все дороги – чище и прямей,
Я счастлив тем,
что даже в годы горя
Не поступился правдою своей…
Ни денег я не приобрел,
ни славы,
Но высшею наградой дорожил
И рад,
что в многотрудной жизни
право
На эти строки
честно заслужил.

ПЕРЕВОД Ю.НЕЙМАН

АНДРЕЙ ЭРДНИЕВ

БАТР БАСАНГОВ

Любимый сын калмыцкого народа
Впитавший с детства мудрый дух его,
Басангов Батр, писатель-самородок,
Блеснул звездой таланта своего.

Он словом мог поднять с колен упавших,
Сражаться и восславить горячо.
Басангов Батр, для нас легендой ставший,
Пером служил народу и мечом.

Его страниц трагическая сила
Чарует и сегодня нас с тобой:
О, бедная Булгун, она погибла! –
Мы снова плачем над ее судьбой.

Театр рождался – и у колыбели
С заботливостью истого отца
Стоял Басангов. Наш театр верен
И памяти, и имени творца.

Воспела поэтическая лира
Степной простор и подвиг матерей.
Он подарил калмыцкий эпос миру –
Летит наш «Джангар» над планетой всей!

И нет границ для этой вольной песни…
Кто дал ей крылья гордого орла?
Поэта два соединились вместе:
Басангов Батр и Липкин – два крыла.

Жизнь Батра молнии была подобна,
Она, как вспышка, так же коротка.
Но он остался в памяти народной,
В истории остался на века.

ХЛЕБ ДЕТСТВА

Зерно, что хлебушком душистым
На стол ложится нам с тобою,
Освящено самим Всевышним,
Трудом и небом, и землею.

В Сибири мрачной и холодной,
Когда от голода мы пухли,
Людей от гибели голодной
Спасала черствая краюха.
Я помню теплый дух ржаного,
Что мать из печки доставала,
Делила бережно, любовно
И нас на жизнь благословляла.

Перевод Лии Петровой

АЛЕКСАНДР СОЛОВЬЕВ

АДАМ И ЕВА

1. АДАМ

Между Тигром моей правой руки
И томящимся Евфратом левой
Угнездилась ты, как царство Любви,
И нарек тебя Господь — Евой!

И познали мы с тобой наших тел,
Нашей страсти во плоти — сладость,
А все то, что Змей нам в уши напел,
Это, — Господи прости, — гадость!

Не за то нас Бог из рая изгнал,
Что отведали мы плод под запретом,
Он ведь сам такой любви не познал,
Ни мужчиной не бывал, ни поэтом!

Оттого и осерчал, взревновав
К нашей трепетной, земной, жаркой
страсти,
Оттого и раскрутил жернова
И страданий, и смертей, и напастей!..

Между Тигром моей правой руки
И распахнутым Евфратом левой —
Дети, женщины, юнцы, старики, —
Род людской, рожденный Матерью-Евой!

2. ЕВА

Я — плоть от плоти твоего ребра,
Твоей груди зияющая рана,
Сегодня — та же, что была вчера —
Твое смятенье и твоя нирвана!

Я — подвиг мысли твоего ума,
Фантазия, иллюзия, загадка...
Разгадку я придумаю сама —
Неуследима женская повадка!

Я, в муках обреченная рожать,
Не убоюсь ни боли и ни смерти,
Любви и Всепрощенья благодать
Во мне жива — ни боги и ни черти

Ее не смогут у меня отнять —
Я не подсудна ни греху, ни сраму —
Когда приходит время умирать
Последним вздохом призывает маму

Всяк из живущих на земле людей,
Любой из нас о маме вспоминает...
И вместе с каждым из моих детей
Моя душа, страдая, умирает...

И, сострадая, оживает вновь,
И снова круг назначенный свершает.
Живет в веках и здравствует любовь,
Пока земная женщина рожает!

1996

ДЕРЕВО ЛЮБВИ

Я не ищу предлога
Для стихов...
Лишь иногда,
Вспугнув глаголов
Стаю,
Я с Дерева Любви
Горсть розовых плодов,
То хохоча, то мучаясь,
Срываю!
Лишь изредка под сень его
Ветвей
Я, как случайный путник,
Забредаю,
От зимних бурь,
От ветра и дождей
И голову, и душу укрываю.
Под Деревом Любви,
Я книгу наших дней,
Беспечной нашей юности
Листаю,
Мне дорогих, любезных мне
Людей
И с нежностью,
И с грустью
Вспоминаю...

ДЖАНГАР

Продолжение. Начало на стр.1

Разрушил нойон-сирота,
Дердинг Шар-мангаса покорив.
Пятого лета вступив на порог,
Пять шулмусов он превозмог,
Пять владык захватил в полон.
А когда вступил нойон
В пятое лето жизни своей –
Пологил его Шикширги,
Заложником сделал его.
Но едва лишь нойон достиг
Шестого лета своего, -
Шести крепостей он рузрушил врата,
Шесты сломал сорока пик.
Властно расширив свои рубежи,
Покорив Алтана Цеджи –
Владельцца башни золотой,
Поставил его главой
Над правым полукругом своих
Бесчисленных богатырей.

Когда же седьмеого лета достиг, -
Ханом семидержавным он стал,
Зваться великим и славным он стал.

В те времена, когда скакал
Ветра быстрее конь Аранзал
Пика не только пестрой была –
Пестрая пика острой была,
А Джангар молод и славен был,
Самим бурханам равен был, -
Четыре хана в жены ему
Предложили своих дочерей.
И простые нойоны ему
Предложили своих дочерей.
И простые нойоны ему
Предложили своих дочерей.
Джангар и слушать не хотел,
Ни с чем они удалились прочь:
В жены взял Ном Тегиса дочь –
Меж Востоком и Югом ханство его,
Как измерить пространство его!

Про землю Джангра так говорят:
Это была Бумбы страна –
Искони так звалась она.
Из коней обретались там
Арназалы одни, говорят.
Из людей обретались там
Великаны одни, говорят.
Сорокоханная эта страна,
Обетованная эта страна.
После двадцатио пяти лет
Не прибавлялись там года.
Смерть не вступали туда.
Люди не знали в этой стране
Лютых морозов, чтоб холодать,
Летнего зноя, чтоб увядать.
Осень сменялась там весной.
Ветер – колыханьем был.
Дождь – благоуханьем был.

Тысячам тысяч счастливых людей
Тесен был простор степной
В пятимесячный путь шириной;
Точно пуп небес и земли,
Высилась лысая там гора,
Видимая издали.
Там океан Ерген Шартыг
Подобно синему кругу лежал,
К северу и к югу бежал.
Прохладная Домбо-река
Только Джангра поила водой.
Летом бурлила она и зимой,
Размывая берега.

Рассказывают о Джанге так:
Был повелитель истинный он.
Желтых четыре истины он
Соединил в своих руках.
Держава была нерушимо его
Гремела на просторной земле.

Словно марево поутру,
Золотому подобно шатру,
Мудрого Джангра сверкал чертог.
Так о нем говорит знаток:
Однажды Джангровы богатыри
Вели беседу между собой:
«Нойону повелителю мы,
Нашему правителю мы
Построим Джангру дыорец такой,
Которому равного в мире нет!»

Собрав тогда в единый круг
Ханов всех сорока двух,
Ханов всех четырех ветров, -
Джангру решили воздвигнуть кров,
Выбрав место для него:
На океанском берегу,
На целомудренном лугу,
В тени омываемых тополей,
Неувядаемых тополей,
Среди двенадцати синих морей,
Севернее восточных лучей,
У правого подножья горы.

И когда настала пора,
Ханы всех четырех ветров
Желтых с собой привезли мастеров.
Выбрали прежде всего мастера
Из месяцев самый святой,
Самый священный день из дней,
Чтобы работа пошла верней.
Кораллами выложили они
Основание дворца.
Не было кораллам конца.
Стены воздвигли из жемчугов.
Разукрасили они
Изображеньем львиных клыков
Стены северного угла.
Разукрасили они
Изображеньем тигриных клыков
Стены полуденного угла.

За сто без году прошедших лет
Рассказывающий дела,
На сто без году грядущих лет
Предсказывающий дела, -
Молвил Алтан Цеджи – мудрец:
«Строить нойону дворец
До самого неба высотой
Было бы затеей пустой:
Слишком желанье велико,
Слишком до неба далеко.
Надо воздвигнуть нойону кров
На три пальца ниже небес!»

Шесть тысяч двенадцать мастеров,
Выделыватели чудес,
В искусстве соревнуясь своем,
Выбиваясь из сил, наконец
Выстроили Джангру дворец.
То пятибашенный был дворец,
То разукрашенный был дворец.
Опоясан был дворец Катауром*, словно конь.
Стеклами красными, как огонь,
Сзади был облицован дворец.
Спереди был облицован дворец
Стеклами белыми, как облака.

Покрыта была, говорят,
Шкурою пегого быка
Северная сторона,
Покрыта была, говорят,
Шкурою сизого быка
Полудённая сторона,
Чтобы зимующим в Бумбе-стране
На северной стороне
Эта зимовка была легка
Среди кумыса и молока,
А полудённая сторона
Маслом и жиром была полна.

Внешние четыре угла
Нежные раскрывали глаза
Из огненно-красного стекла.
Внутренние четыре угла
Синяя сталь облегла.

Чудом был всесветным дворец.
Был десятицветным дворец,
Был девятиярусным он.
Неисчислимым и яростным он
Джангровым угрожал врагам,
Поражал их своей высотой —
Тополёвый и золотой.
Ветер знамя на нем развевал.

Продолжение на стр.4

ДЖАНГАР

Продолжение. Начало на стр.3

Если знамя чехол покрывал,
То, и невидимое, оно
Желтому солнцу было равно.
Если же обнажалось оно –
Было семи солнцам равно!
С месяцем в полнолунье схож,
Смелых повелитель и вождь,
Смертных покоритель и вождь,
Недругов повергший в прах,
На престоле золотом
О сорока четырех ногах
Джангар великий восседал,
Меся цел и кий восседал.

Шелковый был халат на нем,
Шили одни лишь ханши его,
А скроила раньше его,
Ножницами вооружена,
Шестнадцатилетняя жена.

Расправляя усы свои,
Словно ласточкины крыла,
Восседал он в ставке своей,
Посвящая богатырей
Во все мирские свои дела,
Во все святые свои дела.
Вопрошающим:
«Какова
Ханша — властительница страны,
Повелительница страны
Шестнадцатилетняя жена,—
Та, что Джангром привезена
В те времена, когда скакал
Ветра быстрее конь Аранзал,
Пика не только пестрой была —
Пестрая пика острой была,
А Джангар молод и славен был,
Самим бурханам равен был?» —
Ответствуют:
«Такова она:
Глянет налево — станут видны
В сиянии левой щеки
Мелкие рыбки левой реки.
Глянет направо — станут видны
В сиянии правой щеки
Мелкие рыбки правой реки.
Крови алее губы ее,
Снега белее зубы ее.
Белый на голове убор.
Если верить молве, убор
Шило множество ханских жен...
Шелк волос ее так заплетен,
Чтобы соответствовал он
Щекам, напоминающим кровь.
Щегольские у каждой щеки
Шелковые шивырлыки*
Колыхались, говорят.

Колыхались, говорят,
На мочках нежно-белых ушей,
На белую шею бросая свет
Сероватых зеркальных лучей,—
Серьги из чистого серебра.
Кто видел шариковый помет
Верблюжонка двухлетнего, тот
Величину серег поймет!

Если властительница начнет
Девяносто одну струну
Гуслей серебряных перебирать,
Если ханша начнет играть,—
Почудится: в камышах
Лебединый летит хоровод,
Хоровод лебединый поет,
Отдается пенье в ушах
Уток, летящих вдоль озер,
Уток, звенящих вдоль озер
На двенадцать дивных ладов,
Разных, переливных ладов».

Если же спросит народ:
«Кто, не сбиваясь, поет
В лад прекрасным гуслям таким?»
Ответим: «Это — бесценный
Мингйан,
Прекраснейший во вселенной
Мингйан,
Прославленный голосом своим!
Между избранными он —

Продолжение на стр.5

СЕРДЕЧНЫЙ ПЛАМЕНЬ

Хотлин Валерий Германович - прозаик, поэт, драматург, заслуженный работник культуры Республики Калмыкия, родился 28 августа 1951 г. в г. Омске.

В 1981 г. закончил Волгоградский инженерно-строительный институт.

Первые стихи и рассказы опубликованы в 1969 году в газете «Комсомолец Калмыкии».

Он - автор повести «Осколки» (1998), пьес «Что же там, в мешке?», «Волшебные вещи», «В поисках счастья» и др., которые были поставлены на сцене калмыцких театров.

Творчество Валерия Хотлина несет в себе сущность времени, пропущенную сквозь душу и сердца. Его повесть «Осколки», рассказы, стихи, пьесы отвечают самым высоким представлениям о нравственности и благородстве.

В моем сердце живет Евро-Азия,
Тихий Дон и седой Керулен.
Синеокая и черноглазая
Мою душу забрали в плен.

Эти его искрение строки отражают суть его многогранного творчество, Евро-Азия, это и есть тот единственный материк, на который опирается духовная сила его таланта.

Сегодня, когда наша жизнь чрезвычайно богата разными событиями, острее и глубже становятся чувства любви к родной земле, культуре, к национальному искусству и художественному слову. Творчество В. Хотлина, его дела и мысли кровно связаны с судьбой и душой его поколения.

Произведения писателя опубликованы в центральных газетах и журналах, в литературных изданиях национальных республик России. За большой вклад в развитие литератур народов России он удостоен звания лауреата им. Грибоедова.

Повесть «Осколки» - главное прозаическое произведение Хотлина, представляет собой правдивое повествование о суровом времени, и о себе в этом времени.

«Осколки» - повесть, основанная на биографическом опыте, выстрадана автором, отличается емкостью чувств и содержания.

О своем трудном детстве автор рассказывает как о чем-то светлом и добром, и я думаю потому, что тогда вместе, одной семьей, жили мать, отец, дедушка и бабушка – дорогие и любящие люди. Именно их бескорыстная любовь и вера сформировали его пытливое и чуткое отношение к миру. Они ведь, как могли, берегли и растили его.

Чувство благодарности к ним автор пронес в своем сердце через всю жизнь. Это, может быть, самое ценное свойство в характере человека – уметь быть благодарным, ощущать в душе потребность за добро платить добром. У кал -мыков есть пословица «Ээжин ачиг альхн деер эн мах чанж егвчн хэрулж болшго». (Даже если сваришь мясо в своей ладони, ты не сможешь отблагодарить свою мать за ее добро»), и светом этого доброго чувства озарены страницы повести.

Это чувство излучает тот волшебный свет, который и определяет искренний, неповторимый тон повествования.

Повесть состоит из небольших глав, тесно связанных между собой не только историей одной семьи, но и чувством одной общей любви, объединяющих всех ее героев. Любви к земле предков, стремлением семьи к родной степ -ной стороне. Об этом в главе «Спецпереселенцы» автор пишет: «Мне снилось, что мы возвращаемся с дедом на его родину — в сказочную страну..».

Этот сон сбылся. Семья вернулась в Калмыкию из сибирской ссылки.

«Мы, дети Сибири, адаптировавшись на родине пре дков, подготовили ее для того, чтобы принять новое поколение, родившихся в Калмыкии, мы обживали ее, мы притира -лись к другим национальностям, мы сначала научились жить с ними в мире, а потом и в дружбе. Мы несли свою миссию как крест, не замечая этого. Но прошли годы, настало время оглянуться назад и осознать...»

Так пишет В. Хотлин о своем поколении, об истоках рождения своей повести, и этот его шаг имеет важное значение как смелая попытка осмыслить и художественно освоить то сложное время.

Он по -детски безоглядно верит родным людям, своим друзьям. И эта вера связана у него с представлением о счастье.

«А у меня бабушки не было с семи лет. Моя бабушка -калмычка умерла в Сибири. Она успела подержать меня на руках в младенчестве, погладить по головке и, нащупав две макушки, предрекла счастье в жизни.

– Счастливый будет, – сказала она.

Спасибо тебе, бабушка, твои слова – мой талисман. Ты – мой ангел, я верю (тебе, благодаря чему я счастлив.»

Так пишет он о своей бабушке, храня в сердце ее священные для него слова.

«Жизнь – это цепь неожиданностей», - сказал как -то философ и эту истину подтверждает повесть «Осколки», рассказывающая о неожиданных, крутых поворотах в судьбе семьи, несомненно, повлиявших на становление характера автора, на формирование его мировоззрения.

Жизнь, как видно из повести, всегда ставила семью ее героя перед нелегким выбором. Выбор – это тот осколок, на котором проверялась нравственная стойкость, совесть его семьи. У отца – выбор между доходным солидным местом и работой с маленькой, непостоянной зарплатой, но – любимой, дарующей радость и полноту жизни. У всей семьи – проблема выбора места жительства, и у каждого – выбор между добром и злом, ложью и правдой, честью и бесчестьем.

Это было нелегко, но семья героя повести, и он сам, автор, всегда делали выбор, опираясь на нравственные законы, заложенные предками, уважая и почитая их обычаи, безоговорочно слушая старших в семье. И доверяя голосу сердца.

И потому у нее трудная, но счастливая судьба. Даниил Гранин как - то написал: «У него все достоверно, ему нечего выдумывать, это не автобиография, а биография одной души».

Эти его строки можно полностью отнести к повести Валерия Хотлина.

Автору свойственна впечатлительность и природная наблюдательность. Он создал живые и теплые образы родных людей, друзей – всех тех, кого он любит.

Герой повести гордится и восхищается своим дедом, но его восхищение – это не пылкий, умилительный восторг, а осознанное, устойчивое чувство, рожденное из поступков, решений и поведения деда, выражавших его отношение к жизни. ‘’ В главе «Дед» говорится: «Когда нас выслали в Сибирь, он не взял с собой ничего из вещей, даже самого необходимого, ему было уже за пятьдесят, и они с бабушкой неели на носилках свое единственное сокровище – одиннадцатилетнего сына, который был в бреду (у него был жар), а они несли его зимой в товарный вагон. Один из начальников, пнув носилки, сказал деду: «Брось его, все равно сдохнет по дороге, возьми лучше еды».

У деда была еще дочка, сестра отца, но она умерла в детстве, родной брат утонул, не оставив детей; сын – это все, что у него было».

Дед был «главным воспитателем» героя повести, самым близким другом, наставником, который, по признанию самого автора, до сих пор, даже уйдя из жизни, воспитывает его своим отношением к ней.

«Сколько таких, как он? – вопрошает автор, – оглянитесь назад и низко поклонитесь своим дедам, прадедам, их было целое поколение».

В. Хотлину удалось, на мой взгляд, передать много интересных, волнующих мгновений личной жизни, изобразить характеры родных людей, верных друзей – всех тех, о ком он пишет с большой теплотой, одаряя их незаурядными чертами, показывая читателям осколки их быта, жизни, памяти.

Пронзительно написана глава, посвященная отцу. Она так и называется – «Отец».

«Умение отца смущаться было уникальным: он умел смущаться за других. Если он сталкивался с человеческой непорядочностью, нечестностью, хамством или наглостью, он замолкал смущенно за другого человека, неумеющего смущаться и стыдиться своих поступков. Самым трудным для него было, преодолев смущение, попросить что-нибудь лично для себя. Да мне кажется, что он никогда этого и не делал. Была у него в жизни такая убежденность, что кто - то нуждается сейчас больше, чем он. «Я еще успею», – думал он, так и прожил всю жизнь».

Отец по мнению автора, был счастливым человеком, и вот как он говорит об этом: «На определенном этапе у мужчины есть только две вещи в жизни, по которым он судит, удалась она или нет: любимое дело и любимая

женщина. Тот, кто имеет и то, и другое, – счастлив: тот, кто не имеет ни того, ни другого, может смело записать себя в неудачники, этих двух вещей не заменят ни материальные блага, ни отменное здоровье...»

У отца героя повести были любимое дело и любимая, единственная женщина.

Повествование – предельно искренне, и искренность эта – естественна. Это свойство таланта Валерия Хотлина – самое ценное.

«Повесть невозможно читать без волнения и душевного сопереживания, настолько зримо, точно сказано о пережитом, что не раз над ее страницами я утирала слезы и ком подступал к горлу,» – говорила мне о повести «Осколки» на встрече с читателями журнала калмычка, ро-дившаяся в Сибири.

Такое признание – дорогого стоит. Повесть «Осколки» – голос сибирского поколения. Автору удалось ярко рассказать о своем поколении, через свои чувства и впечатления он сумел выразить мысли и переживания многих сверстников. Вот как он обращается к ним в заключительной главе повести «Мое поколение»: «Мои сверстники, встречая вас, я чувствую тепло, исходящее из ваших сердец, и сам, в свою очередь, стараюсь отдать вам свое тепло. У меня такое чувство, как будто мы владеем какой - то общей тайной, не говоря об этом вслух, — нам достаточно обменяться взглядами».

В. Хотлину, через свои жизненные впечатления, удалось передать характер времени, в котором он рос, воссоздать из небытия удивительный мир, говорящий вслух об этой «общей тайне» поколения. Время выступает глав -ным действующим лицом повести, объединяющим всех ее персонажей, диктующее им те или иные поступки, проверяющее их на моральную и физическую стойкость.

«Стиль – голос ума», – заметил Ралф Эмерсон. Голос ума Валерия Хотлина неповторим, его стиль отличается ясностью изложения, лаконичностью и точностью выражения мысли. Для его творческой индивидуальности харак -терно внимание к скупым, но точным психологическим штрихам, выразительным художественным деталям, которые позволяют читателю зримо видеть происходящее его глазами.

Художественный мир повести Валерия Хотлина – уникален, то, о чем он повествует, – страницы его биографии, его личной судьбы. И потому эта повесть представляется мне светлым небом воспоминаний Валерия Хот - лина, которая обостряет в нас чувство любви и преклонения перед нашей дорогой землей.

Валерий Хотлин – автор ряда пьес, поставленных на сцене театров республики. «Внести в историю свой вымысел, но вымысел этот основать на истории», - писал Добролюбов. И пьеса Хотлина «Я – сын России!», посвященная событиям войны 1812 года, авторский вымысел, который раскрывает зарождение высокого светлого чувства героев. Лирическая история любви, которая разворачивается на широком историческом фоне событий давно минувших дней, взолновали театральную общественность Калмыкии. Это пьеса, признанная лучшей в конкурсе национальной драматургии, стала несомненно удачей автора.

Сегодня В.Хотлин, член Клуба писателей Кавказа, продолжает активную творческую работу, и мы вправе ожидать от него новых талантливых произведений

ЭРДНИ ЭЛЬДЫШЕВ.

ЖИЗНЬ - ШТУКА ТРУДНАЯ

В этот день Аис вернулся домой поздно, когда ласковый тихий летний вечер плавно вырастал в ночь, а яркие крупные звёзды в небе сулили впереди много счастливых дней. Еще бы - каникулы только начались, денёк был прожит чудесно. С утра была замечательная рыбалочка, краснопёрка клевала так, словно цель жизни этих рыбёшек заключалась в том, чтобы попасть на крючок к Аису. Да что краснопёрка, на кукане в воде, лениво шевеля хвостами, красовались два чудных сазана (!). Дома была уха из пойманной рыбы. Нет ничего вкусней, чем такая уха.

Как только строения и деревья, отбрасывающие днём строгие контрастные тени от солнца, сменили их на пастельные, сумрачные, расплывчатые тени от луны, Аис выбежал во двор, где ребятишки собирались в условленном месте для игры в прятки. Жаль, что сегодня мальчишки-девчонки не играют в прятки, игра-то забавная.

«На золотом крыльце сидели
Царь, Царевич.
Король, Королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты будешь такой?
Говори поскорей,
Не задерживай добрых и честных людей».

Тараторит считалку ведущая, она определяет, кому голить, а кому прятаться. «Голя» становится лицом к стене, а остальные ребята, тем временем, врассыпную - прятаться. Уткнувшись лицом в стену, « Голя» громко оглашает правила, по которым намерен играть: «Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать». Он сейчас пойдёт искать спрятавшихся ребят и, обнаружив кого - нибудь, должен подбежать к стене, у которой только что стоял, и, стукнув по ней, сказать: «Тук - тук». А потом назвать имя найденного им участника игры.

- Последняя курица - жмурится, - продолжает «Голя», и это означает, что «Голей» в следующий раз будет тот, кого «застукали» последним.

- Кто не спрятался, я не виноват, - эти слова «Голя» говорит, чтобы обезопасить себя от «жилды». Жилдой ребята называли различные споры и отговорки - несправедливые и необъективные. К слову сказать, «жилдить» умеют и взрослые, и дети. Но дети, в отличие от взрослых, умеют пресекать «жилду». «Жилда на правду выйдет», - говорят они в таких случаях.

Царевич с портным нашли совершенно замечательный укромный уголок в сарайчике, дверь которого обычно была закрыта. Но в этот вечер её почему-то забыли закрыть. Возможно, так распорядился лукавый летний вечер, присвоив себе стрелы Амура. Ведь царевичем был Аис, а портной… Портным была Ольга - девчонка с соседней улицы, которая нравилась Аису. Они сидели в сарайчике, прижавшись друг к другу, и хихикали, наблюдая в щелочку за ходом игры. Когда «Голя» далеко покидал своё место, ребята подбегали к стенке и со словами: «Тук - тук, за себя» стучали по ней. «Голя» для них теперь был не опасен. Адреналина в кровь царевича и портного прибавляло то, что иногда «Голя» подходил совсем близко. Тогда они, затаив дыхание, зажимали друг другу рты, чтобы случайно не рассмеяться. Убежище было неуязвимо, никому не приходило в голову, что сарайчик может быть не заперт. Даже замочек болтался на петельке, но только на одной, и в сумерках этого не было видно. В конце концов, терпение потерял не только «Голя», но и все остальные участники игры. Их стали искать все вместе, громко выкрикивая имена. Ощутив неловкость положения, портной и царевич, несколько смущённые, вышли из убежища.

- Что это вы там делали? - задала вопрос беззубая дотошная девчонка, ехидно прищурив глаза, словно намекая на недопустимость альянса между портным и царевичем.

- Тили - тили тесто, жених и невеста, - подхватил кто-то.

Это было серьёзное обвинение, способное значительно усложнить жизнь и царевичу, и портному.

- Ну и что, - тихо, но с вызовом произнесла Ольга.

Воцарившуюся тишину нарушила ведущая, она была постарше, а это обязывало быть мудрей.

- А сейчас давайте рассказывать страшные истории.

Инцидент был исчерпан, иначе быть не могло, ведь наступило время страшных историй…

«В одном чёрном-пречёрном доме была чёрная-пречёрная комната. В этой чёрной-пречёрной комнате стоял чёрный-пречёрный стол. На этом чёрном столе-е-е лежал чёрный-пречёрный… гроб!!!»

И так далее.… Невзирая на социальный статус, тесно прижавшись друг к другу, слушали страшные истории царь и сапожник, король и портной. По накалу эмоций фильмы ужасов тут отдыхают. Наслушавшись страшных историй, ребята что есть духу бегут по домам.

Аис хотел тихонько, никого не разбудив, прокрасться к кровати. Но дома горит свет: мать не спит, складывает какие-то вещи, перевязывает верёвками коробки, не обращая внимания на Аиса. В комнатах всё как-то переменилось. Будь Аис повзрослей, он бы оценил это так - исчез уют.

- Переезжаем, сынок, - взглянув на Аиса, сказала мать.

- Куда? - Аис не поверил своим ушам.

- В город, будем жить в Элисте.

Как хорошо начался день, каким прекрасным был вечер. Неужели всё закончилось?

- Я не поеду.

- Ты не понял, сынок. Мы все уезжаем - и я, и папа, и ты, и сестрёнка. Все.

- Я никуда не поеду.

- Как?

- Здесь останусь.

- Один!?

- Один.

- О, горе мое. А кушать ты что будешь?

- А рыба?! - голос Аиса становился твёрже, уверенность его росла.

- А хлеб, сахар, чай, это ж покупать надо.

- Работать пойду, - Аис подумал о том, что школу, видимо, придётся бросить….

«Не будешь учиться - всю жизнь будешь грузчиком работать», - часто говорили ему родители. Аис не готовил себя в грузчики, но… тяжёлые жизненные обстоятельства сами определили его дальнейшую судьбу. Из разговоров тех же родителей Аис знал, что где-то неподалёку обитают грузчики, люди малоуважаемые, но очень много зарабатывающие. Непонятные слова «сдельно», «прогрессивка», звучащие из уст родителей, вслед за названием профессии «грузчик» навевали Аису мысли о самодостаточности этих людей.

- О боже! Да кто тебя возьмёт на работу? Ты ведь ещё ничего не умеешь. Хоть бы школу закончил.

- В грузчики пойду.

- В грузчики! Там сила нужна.

- Я сильный. Не курю. Пока все курят, буду таскать и таскать.

- Ну что ты будешь делать? - Мать не находила слов. Она подозревала, что Аис будет против переезда, но чтобы настолько…. Конечно, она могла прикрикнуть на упрямого мальчишку и прекратить разговор, но ей было жаль бедолагу. Она хотела решить всё мирно, поэтому приводила всё новые и новые аргументы.

- А жить ты где будешь?

- Как где?- Глаза Аиса округлились. - Здесь, дома.

- Папе дали эту квартиру на работе. Мы уедем - дом государство заберёт.

Какой удар испытал Аис со стороны государства! Но пути назад уже нет.

- Строиться буду….- Аис видел, как загорелые жилистые мужики собирали камышитовые дома быстро, зло и одновременно весело. Они раскладывали плиты из камыша, в которых уже были проёмы для дверей и окон по периметру фундамента, потом быстро и ловко поднимали стены. Одновременно, разом: «Оп - ля» - и каркас дома стоит (может быть, будущие его друзья- грузчики помогут ему?).

- Беда моя! Кто тебе будет готовить, стирать, гладить?

- Женюсь, - голос Аиса осёкся: вспомнив об Ольге, он стал размышлять почему-то о том, умеет ли она стирать и готовить.

Теперь округлились глаза матери. Она потеряла дар речи. Начав с десятилетним сыном этот шутливо-серьёзный разговор, она уже не могла перевести его в другое русло.

- Ну всё, - сказала она, отвернувшись…

Аис прилёг на кровать в одежде. «Не разрешат», - подумал он. Лежа, уткнувшись носом в стенку, он услышал, как пришёл отец, который громко разговаривал с матерью.

- Отец, а сынок наш не едет с нами. Идёт работать грузчиком, жениться решил.

- Ну, раз так, значит так. Он уже большой. Пусть всю жизнь грузчиком работает, - громко сказал отец, обращаясь к матери, но при этом зачем-то заглянув в аискину комнату.

Аис, не мигая, смотрел в стену, в голове его крутилась фраза, подслушанная у взрослых: «От сумы, да от тюрьмы не зарекайся». Груз тяжёлых взрослых забот навалился на него: где же искать этих грузчиков? А вдруг они не примут? А не разрешит ли государство пожить пока в кладовке, или на веранде? И опять: где искать это государство? Одновременно, вспоминая Ольгу, он по взрослому понимал, что непродолжительное рандеву не может служить основанием для сватовства.

«Никому я не нужен, - думал Аис, - как легко родители согласились оставить меня. Вот т-а-а-к…. Где же всё-таки искать этих грузчиков? А может, передумать и поехать? А как сказать, что передумал? Интересно, эти грузчики не очень злые?»

Мысли Аиса путались, в горле стоял ком, а на сердце лежал камень. Но в глазах не было слёз, ведь детство закончилось. Взрослые от таких переживаний седеют.

Вдруг Аис почувствовал, что на его подушку прилегла мамина голова, а мягкая её рука обняла его.

- Сыночек, конечно, ты будешь здесь жить… потом. А сейчас поехали с нами. Не понравится, мы сразу отправим тебя назад, живи, как хочешь.

- А речка там есть?

- Есть сынок, есть. Я сама не хочу переезжать. Если нам там не понравится, вернёмся вместе. Хорошо?

«А жизнь-то налаживается», - подумал, засыпая Аис, и сглотнул солёную слезу.

ВАЛЕРИЙ ХОТЛИН

ДЖАНГАР

Продолжение. Начало на стр.4

Избранный запевала давно,
Равных ему не бывало давно!»

Сказывают, был главой
Над правою стороной
Джангровых богатырей
Байн Кюнкян Алтан Цеджи,
Богатырь, безо всякой лжи
Рассказывающий дела
За сто без году прошедших лет,
Предсказывающий дела
На сто без году грядущих лет.
Сведущий во зле и добре,
Он восседает на ковре
По правую руку вождя.
Важно, с места не сходя,
Он разрешает мирские дела,
Он разрешает святые дела
Своей обетованной страны,
Своей сорокаханной страны.

Сказывают, был главой
Над левою стороной
Джангровых богатырей
Старший сын Менген Шикширги –
Улан Хонгор, Алый Лев,
От которого, оробев,
Бежали бесчисленные враги.
Он родился от ханши Зандан Герел.
Множеству дротиков и стрел
Подставлял он грудь свою.
Страха не ведал в бою
Этот прославленный исполин.
Джангру подчинил он один
Земли семидесяти держав!

Гюзан Гюмбе с ним вместе сидел.
Он при стесненном усесте сидел,
Занимая места двадцати бойцов,
Он при свободном усесте сидел,
Занимая места сорока бойцов.
Он славился силой великой своей,
Черной, холодной пикой своей,
Слоноподобным своим конем,
Словно ночь, вороным конем.
Некогда в споре с Цеджи самим
Победил он, рассказав
О деяниях вер и держав
За тысячу и один год.

Справа от Алтана Цеджи Савар
Тяжелорукий сидел.
Среди людей великаном он был,
Соколом неустанным он был.
Закаленная в пламени сеч,
Не сходила с могучих плеч
Острая секира длиной
В восемьдесят и одну сажень.
Стоила тысячу тысяч юрт
Рыжая кобыла его.
Сбрасывал он любого с коня,—
Так велика была сила его!

На левой, рассказывают, стороне
Третье место занимал
Темноволосый Строгий Санал,
На своем серо-лысом коне
За нойоном последовал он —
За владыкою мира всего,
Булингира — отца своего —
Дорогого сына лишив;
Нойоншу славную - мать свою,
Бурханам равную мать свою —
Торжественных поминок лишив.
Свою богатую страну
Мудрого нойона лишив,
Свою красавицу жену
Возлюбленного супруга лишив.

Множество таких силачей,
Шесть тысяч двенадцать богатырей,
С избранными из черных людей
Семь во дворце занимали кругов.
Кроме того, седых стариков
Был, рассказывают, круг.
И красноликих важных старух
Был, рассказывают, круг.
Жены нежно-белые там
Тоже составили круг.

Продолжение на стр.6

ДЖАНГАР

Продолжение. Начало на стр.5

Словно плоды спелые, там
Девушки составили круг.
Диких степных кобылиц
Молока потоки лились.
Разливались озера арзы*,
Радующей взоры арзы.

Долго пировали там,
Пить не уставали там,
Стали красными наконец
Нежные глотки богатырей.
Загудел многоуглый дворец.
Желтые полчища силачей
Стали кичиться силой своей,
Озираться стали вокруг,
Вопрошая соседний круг:
«Ужели сражений для славы нет?
Сайгаков — и тех для облавы нет?
Ужели для боя державы нет?
Ужели врага для расправы нет?»

Песнь первая
О ПОЕДИНКЕ ВЕЛИКОГО НОЙОНА ДЖАНГРА С ЯСНОВИДЦЕМ АЛТАНОМ ЦЕДЖИ

Еединственный в древнем роду,
Джангар, ныне великий нойон,
Был на пятом своем году
Стариком Шикширги полонен.

Изучив подробно дитя,
Исследовав со всех сторон,
Истину обретя:
Из людей он один рожден
Из начала мира сего
Стать владыкой мира всего,
И могучим и славным стать,
Ханом семидержавным стать,—
Старый Менген Шикширги решил
Джангра убить в молодые года.
Пятилетний Хонгор тогда —
Юный сын Менген Шикширги —
Джангру на помощь поспешил.
И, припав к ногам Шикширги,
Хонгор счастье изведал тогда:
Смерти подвергнуть не дал тогда
Душу великого Джангра Богдо*.

Стал раздумывать Шикширги,
Как убить потаенно дитя,
Уничтожить нойона-дитя.
И так решил Шикширги наконец:
Может погибнуть этот юнец,
Если угонит красивый табун,
Сорокатысячный сивый табун
Ясновидца Алтана Цеджи,—
Явную гибель найдет нойон,
Яростною стрелою сражен —
Ядом напитанной, удалой
Ясеневого лука стрелой.

К этому времени Джангар-нойон
Лета шестого достиг своего.
Вот однажды отправил его
Шикширги на великий угон
Сорокатысячного табуна.
Оседлав своего скакуна,
Джангар поскакал на восток.
Полетел Аранзал, как стрела.
Оказывался юный ездок
То спереди, то сзади седла.
Длиннохребетный конь Аранзал
Ночи - ночами не считал,
Утра — утрами не считал.
Так он три месяца проскакал.
Черной пыли взвилась полоса,
Подпирающая небеса.
Через сорок и девять дней
Джангар увидел вершину горы —
Покоилось небо на ней.
Взобравшись на вершину горы,
Взглядом холодным окинул нойон
Землю со всех четырех сторон:
Среди золотых горных громад
Засверкала башня Барвад.
Заволновался красивый табун,
Сорокатысячный сивый табун.

Через истоки множества рек
Переправился Джангар потом.
Завладел он могучим скотом,
Окриком в кучу собрал табун
И, словно тучу, погнал табун...
Буре подобны, в густой пыли
Буйные кони скакали вдали,
Будто ветру завидовали,
Будто пугаясь комков земли,
Что по дороге раскидывали,
Будто брезгуя прахом земным!
От развевавшихся конских волос
Пение скрипок и гуслей неслось.
Там, где мчались коней косяки,
Красные разметав пески,—
Появлялась потом тропа:
Покрывалась песком трава.
Увидал Алтай Цеджи:
Всадник летит, табуны гоня,
Ни одного не теряя коня.
Приказал Алтан Цеджи
Оседлать своего коня.
«Этот угонщик коней лихих,
Сизо-плешивых коней моих,
Очевидно, Джангар-нойон,
Что захвачен был в плен Шикширги.
В голове Менген Шикширги
Был задуман этот угон!
Вижу, заглядывая вперед:
Прибыл бы Джангар сюда через год,
Был бы теперь семилетним он,—
Надо мной одержал бы верх,
Захватил бы меня в полон,
Он с престола меня бы низверг!
Но прибыл сюда шестилетним он,
Значит, он будет моим теперь!»

Ясновидец при этих словах
Ясеневый, шириною с дверь,
Крепкий достал разукрашенный лук.
Сел на коня с помощью слуг,
На восток направил коня.
Через сорок четыре дня
Он увидел нойона вдруг
За тремя истоками рек.
Сразу прянула с лука стрела,
Пролетев над истоками рек,
Джангру в лопатку вошла.
К мягкой гриве мальчик припал,
Покинут сознаньем своим;
Но хозяина спас Аранзал:
Так поскакал, что дыханьем своим
Он раздваивал траву!

Упустив необъятный табун,
Джангра домчал чудесный скакун
Прямо до ставки Шикширги.
Изнемогая, свалился нойон
Около ставки Шикширги.

Закричал Шикширги, разъярен:
«Опротивел мне этот юнец.
Изрубите его, наконец,
Искрошите кости его
И скорее бросьте его
На съедение курам и псам!»
Так он жене приказал, а сам
На себя доспехи надел,
На темно-карего сел коня
И поскакал, броней звеня.

Когда же ханша Зандан Герел
Собиралась убить Богдо,
Как повелел ей грозный супруг,—
Хонгор бросился к матери вдруг,
Телом своим храня Богдо.
«Мать, убей и меня с Богдо! —
Закричал он матери вдруг.—
Не заноси над ним руки,
Из лопатки стрелу извлеки!
Ты, Герел, святая жена,
Ты самим бурханам равна,
Если моленьям уступишь ты,
Трижды переступишь ты
Через нойона Богдо моего,
Выпадет сразу стрела из него!»

Наконец уступила она:
Видеть сына, молящего здесь,
Дольше добрая мать не могла.
Трижды переступила она

Продолжение на стр.7

ВЛАДИМИР НУРОВ,
народный поэт Калмыкии

ОЙ ТАЛИСМАН - ЭЛИСТА

В город родной приезжаю,
В милые сердцу места...
Ласковым взглядом встречает
Мой талисман - Элиста.

Треплет волосы ветер,
Солнце дарит лучи...
Яркой звездою светит
Мне Элиста в ночи.

Город, ставший судьбою,
Мой талисман - Элиста...
Здесь я в ладу с душою,
Мне не страшны холода.

Здесь я богат друзьями,
Здесь я в кругу родных...
Город, окутанный снами,
В сердце рождает стих.

Лебедью белой взмывает
В небо город-мечта...
В дальнем пути согревает
Мой талисман - Элиста.

ЗАПАХ СВЯЩЕННОЙ ПОЛЫНИ

Чтобы услышать
Запах священной полыни,
Собираясь в последний путь на чужбине,
Мать отодвинула день своей смерти.
Мать умерла.
Но священные запахи степи
И туда проникают,
Где души живут после смерти.
Вызывают в тех душах святое желанье:
С прошлым миром прийти на свиданье.
Там душа моей мамы,
Где в холоде вечном землица,
Но из этой земли
Все в родимые степи стремится.
Преклоняю колени пред
этою серой полынью,
Исполняю наказ моей мамы
И впредь, и поныне.
И настоем полыни свои утишаю печали,
И волнуется сердце,
Как было когда-то.
В начале.

ВТОРАЯ МАТЬ

Когда жива твоя родная мать.
Звать матерью другую не грешно ли!
Но как иначе мне ее назвать —
Ту русскую учительницу в школе?

Что я от голода угаснуть мог,
Заметила она. И, по головке гладя,
Меня спасти придумала предлог:
Мол, «Помоги мне донести тетради».

А дома, награждая за «труды»,
Подвинет мне горячую картошку...
И я от голода и от беды
Оттаивал, смелея понемножку.

А чуть позднее Пушкин-чудодей
Стихами влек меня к ее порогу...
...Свет сердца русской матери моей
Поныне озаряет мне дорогу.

Перевод Ю. Нейман

ВИКТОР ПАПУЕВ

ОЙРАТЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В легендах истории ранней
кочевые Орды степей,
что вышли из древних киданей
скот рогатый пасли, лошадей.
Последнее видели море,
застенный, огромный Китай,
нет страха в прищуренном взоре,
вперед нас вел Субудай.
Дербеты, хошуты, торгуты,
номады времен лихолетий,
без войн не жили, без смуты,
в ту пору жестоких столетий.
Взметнулось хвостатое знамя.
Мы в седлах, солнце уж встало,
и сердце сжигает пламя,
джунгарам, что славу стяжало.
Мы правили Степью Великой,
хотя нас всегда было мало,
стрелою, саблей и пикой
бились в предгорьях Урала.
Прошли сквозь казахские жузы,
Кашгар, Туркестан и Тянь-Шань,
несли бактрианы грузы,
кыштымов ясак и дань.
За Волгу и Дон сражались,
ходили в Крым, на Кавказ,
с боярами часто ругались,
читая царский указ.
Нас мало, но юг страны,
мы кровью своей отстояли,
в кибитках под сенью луны
протяжные песни звучали.
Калмыками нас назвали,
в Заволжье и в Диком Поле,
и многие сгинули, пали,
верных долгу, воинской доле.

* * *

Раз спросил меня старый акын,
чьих кровей ты, друг-кунак?
Я ответил – калмыцкий сын,
или проще, степной калмак.
Он сказал – наше братство в веках,
В наших генах, в крови кочевой.
Дружба стала главной в умах,
это общий для всех настрой.

ЛИЛИЯ ЩЕГЛОВА

* * *

Говорят обо мне - везучая.
Да, везучести есть следы:
Не бывало такого случая,
Чтоб не вырвалась из беды.
Не бывало такого случая,
Чтоб не выпрямилась опять,
Даже если согнуло-скрючило
Так, что голову не поднять.
Не бывало такого случая
(Если был бы - не солгала),
Как бы горе ни жгло, ни мучило,
Оставалась душа цела.
Вывози теперь, бог везучести, -
Рвутся жилы и мозг кипит,
И в предчувствии страшной участи
Тонко-тонко душа скулит.
Бьюся в кровь, а была научена
Утешаться мыслишкой простой:
«Что ни делается, все к лучшему,
Хочешь выжить - на этом стой».
Ну конечно же, я везучая...
Обокрадена, бита, гола,
Но ходячая - а не ползучая.
Хоть и не парящая, как была.

ДЯДЯ МИША

Через улицу, через площадь,
По асфальтовой мостовой
Неуверенно шел, на ощупь
Дождик солнечный,
дождь слепой.
На кого-то очень похоже
Он тянул прохладные пальцы,
Чтоб ощупывать лица прохожих,
Чтобы крыш и цветов касаться.
И когда он на радость детишкам
Осторожно брел вдоль стены,
Я припомнила: дядя Миша!..
Он вернулся слепым с войны. ...
Это было в селе на Псковщине
Мне три года, а брату — пять...
Нас, сопливую безотцовщину,
Приводила к соседям мать.
А соседка косы укладывала —
Под косынку пряди со лба:
«За детьми, Михаил, приглядывай, –
Сам ведь знаешь: горят хлеба...»
Дядя Миша, как мог, приглядывал
И заботился, как умел:
Ловко кашу по мискам раскладывал,
Вместе с нами «Катюшу пел,
Затевал, как ни странно, жмурки,
Нас нисколечко не браня,
Он ловил нас, худых и юрких, —
Тешься, радуйся, ребятня!..
И когда улыбался скупо,
Наши слушая голоса,
Голубели под взмокшим чубом
Нас не видящие глаза...
Дядя Миша...
Ах, дядя Миша!..
Светлоока твоя душа...
...Дождь сегодня стучит по крышам
Неуверенно, не спеша...
И всплывает, и вспоминается:
Постук палочки на крыльце
И прохладные добрые пальцы
На горячем моем лице.

***

Вот это счастье – слышать лес
И, хохоча, ловить в ладони
Дожди, что падают с небес, -
Дала мне жизнь: бери помни!
О счастье, - видеть облака,
Что на поля ложатся снегом;
Поймать гривастого конька,
Умчаться в степь, отдавшись бегу!
О счастье, — вырастить детей,
Что в смертный час пребудут рядом;
О счастье, — собирать друзей
И знать: друзья мне тоже рады!..
Беру и помню каждый час
Большого счастья жить на свете,
Равно — он темен или светел —
Я принимаю каждый час...
С рожденья и до сей поры
Живу себе, не унываю.
Я принимаю все дары
И раздавать не забываю.

АЛЕКСЕЙ СКАКУНОВ

СТРЕМЛЕНИЯ

Листком, улетевшим от отчего дома,
Я с ветрами странствий кружу по земле,
Моею застенчивой музой влекомый.
М всё на ногах, за рулём и в седле.

М кровь моё сердце отчаянно гонит.
М мысли вскипают в моей голове.
И доброго ангела крепко ладони
Хранят меня. Хоть не внове

И явно безумны такие «заскоки»:
Ах, как нагибает за солнцем взлететь,
И жаждется выдать великие строки
И главную арию в опере спеть.

Нет, всё же чудесно, что блажь эта мнится,
Желанья и рвенья совсем не просты:
И славой земной, как росою, умыться,
Хоть раз ощутить красоту высоты,

При жизни узнать, что ты вовсе не
лишний
На этой крутой и опасной тропе!
Скорей! Созревают стихов моих вишни!
Собрать бы их только. Собрать бы
успеть!

2011 г.

КАЛМЫЧКА

Сродни огням бусинок росных
На хрупких ветках деревца
Блестят глаза твои раскосо
Сквозь серп селеновый лица.
И не понять, что в них сжигается -
Ну до того искристый взгляд! -
То ли вода в реке качается,
То ль звезды по небу летят.
То ль нежных струн души
взволнованной
Ломается хрустальный звук -
Завороженно-очарованным
Себя ты ощущаешь вдруг.
Так на пути из мглы туманной
Мигают дальние огни -
Теплом земли обетованной
Притягивают нас они.
И я весь покрываюсь инеем
И издаю восторга стон -
Так хороши... предплечий линии
И губ карминовый бутон.

2001 г.

РАСТЯЖКА

К вершине шли цепочкой мы по гребню,
Выдерживая чётко интервал.
И только ком сорвавшегося щебня
Движенье отделенья выдавал.
Туман висел удушливый, как вата,
Да мелкий дождик нудно моросил.
И чертыхались про себя солдаты,
Шагая к цели на пределе сил.
Набухла роба от дождя и пота,
И дятлом пульс выдалбливал висок...
Вдруг впереди упал, споткнувшись,
кто-то,
Как будто бы наткнулся на пенек.
И ухнул взрыв раскатисто и тяжко,
Листвою срубленной упавших окропив, -
Не разглядел сержант в туман растяжки,
Струну нечаянно ботинком зацепил.
Ах, как не повезло тебе, Алёха!
Да только нам иное не дано...
И кровожадно хохотало эхо
В глухом тумане, там, под Ведено.
А он лежал, обняв руками камень,
Такой огромный, точно великан,
Как будто боли неуемный пламень
Из наших душ спасенных высекал.

***

Я не курю, но мне приятен дым
Сжигаемой тобою сигареты.
Он так идет к твоим вискам седым,
К глазам твоим, где остается лето.
Ты куришь, куришь и опять молчишь -
Из уст твоих не вытянуть и слова!
Ты этим, знаю, больше говоришь,
Без хитрости, без лоска, без уловок.
В твоей улыбке - искренняя грусть,
Святая безысходность и усталость,
Попытка в бесконечность растянуть
Те полчаса, что нам с тобой остались.
Я не курю, но так волнует дым
Терзаемой тобою сигареты.
Он так идет к твоим вискам седым,
К глазам твоим, где остывает лето.
Все сказано и выпито до дна -
Ах, как горчит любви напиток сладкий!
Я, знаю, должен...
Как и ты должна...
А диктор приглашает на посадку...

ДЖАНГАР

Продолжение. Начало на стр.6

Через Богдо, лежащего здесь.
Вылезла из лопатки стрела,
Да наконечник в ране застрял,
Хонгор крикнул: «Заметила, мать,
Что наконечник в ране застрял?»
Мальчику так ответила мать:

«Как-то на следующий год
После замужества, весной,
Приключилась беда со мной.
Делала я кобылицам обход—
Помню, был хороший удой,—
Вдруг один жеребец гнедой
Матку покрыл. В ту пору еще
Глупой была я, молодой,
И на них через плечо
Страстолюбивый бросила взгляд.
Вот отчего, быть может, стрела
Выйти из раны теперь не могла!»

Стала тогда на колени Герел,
И для горячих молений Герел
Обе ладони вместе свела.
Выпала сразу из раны стрела,
Сразу же Джангар был исцелен.
Быстро вскочил великий нойон,
Ханше святой воздал он хвалу,
С Хонгром обнявшись, пошел к столу,
Песню дружбы с Хонгром запел.

Время некоторое прошло,—
Видит ханша Зандан Герел:
Не возвращается Шикширги.
Молвила ханша, вздохнув тяжело:
«Не возвращается Шикширги,
А возвратиться время пришло.
Поезжайте за ним поскорей».

Оседлав боевых коней,
С быстротой великой тотчас
Оба помчались в латах своих,
В одеяньях богатых своих,
И Шикширги настигли как раз,
Когда он судьбой наказан был,
Когда ясновидцем связан был,
Когда его дорогого коня
Уводил Алтан Цеджи...

Увидал Алтан Цеджи:
Мчатся могущественные друзья.
«Мне бороться с ними нельзя,
Буду сразу же побежден.
Если соединился нойон
С Хонгром,— драться напрасно мне,
Надо сдаваться, ясно мне!»

И ясновидец, так сказав,
Ноги Менген Шикширги развязав,
Навстречу всадникам поскакал.
Чембуры* серебряные растянув,
Железом из лучших желез застегнув,
Сталью из лучших сталей согнув
Стройные ноги своих бегунцов,
Четверо славных храбрецов
Для беседы сошлись мужской.
Важный, величественный Цеджи
С речью к ним обратился такой:

«Только вот этому Джангру Богдо
Семь исполнится юных лет,
С ним сравниться не сможет никто.
Силой своей удивит он свет.
Сонмы врагов раздавит он.
Имя свое прославит он.
Станут пред ним трепетать враги,
Счастливы станут народы его.
Слушайте, Менген Шикширги!
В эти прекрасные годы его
Обручите с ханшей Шавдал.
Перейдите в подданство к нему.
Передайте все ханство ему,
Все мирские свои дела,
Все святые свои дела.
И когда великий нойон
Соберет на пир племена,
В радости вечной пребудет он,
В изобилье пребудет страна.
Мне тогда поручит нойон,

Продолжение на стр.8

ЖИТЬ ЧЕСТНО, СВОИМ ТРУДОМ

Произведения Н.Д.Илюмжинова, пронизанные верой в справедливость и добрыми помыслами, несомненно, помогают читателям, особенно молодым, стать благороднее, лучше разбираться в сложных жизненных ситуациях.

Несмотря на почтенный возраст, Николай Доржинович активно участвует в общественной и литературной жизни республики. В 2009 году, накануне юбилейных торжеств, посвященных 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, вышли в свет его книга «Память живая» и сборник «Н. Д.Илюмжинов. Материалы к творческой биографии писателя». В том же году, к 80-летию писателя вышла в свет на калмыцком языке книга «Правда суровых годин». Книга «Память живая», изданная в московском издательстве «Художественная литература», составлена из главных произведений писателя – автобиографической повести «Предки. Факты. Время», романов «Абиль» и «Хлеб горьких лет», рассказов и очерков об участниках войны «Солдатские судьбы», а также очерков об истории и традициях калмыцкого казачества. Кстати, предисловие к этой книге написал известный российский писатель, директор издательства «Художественная литература» Георгий Пряхин, который подметил главное в характере автора: «Никакой спеси, никакого горделивого отчуждения, самолюбования: простота, естественность, живость ума. Он сам по себе вполне самодостаточный, глубокий человек».

Писатель часто встречается с молодежью – его ждут в школьных классах и студенческих аудиториях, в библиотеках и трудовых коллективах… А рассказать ему есть о чем: за плечами большая, богатая событиями жизнь. «Считаю, что мы, представители старшего поколения, обязаны оставить молодым историю жизни простых людей, тружеников, чтобы не прервалась связь поколений», – сказал как-то Николай Доржинович, Об этом один из самых пронзительных его рассказов – «На Мазульском руднике».

28 декабря 2010 года рассказ был напечатан в центральном издании российских писателей – «Литературной газете», также он уже переведен на более чем двадцать языков народов России, опубликован в Бурятии, Башкирии, Чувашии, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Чечне, Карачаево-Черкесии и т.д. Это произведение воспевает величие духа калмыков, оказавшихся в условиях бесправного существования. Как верно отметил один из авторов перевода, народный писатель Удмуртской республики Вячеслав Ар-Серги, «рассказ, ей-богу, хорош. Он скуп, жёсток, как северный ветер, - аккомпанемент рассказанной автором Судьбы калмыцкой».

В одном из интервью, на вопрос, как надо жить, чтобы чувствовать себя счастливым, Николай Доржинович ответил: «С детства мне твердили: слабого не обижай, не обманывай никого, живи честно – своим трудом. Если многого достиг, не возгордись, уважай старших». Он и живет, и трудится по этим извечным заветам, с детства полученным от деда Эрдни Сарпуновича. Он мечтал, чтобы его внук стал грамотным, уважаемым человеком, который сумел бы создать летопись своего рода. Николай Доржинович отразил в своих произведениях не только историю рода, но и славную и трагическую историю калмыцкого казачества.

Писатель продолжает свой благородный и необходимый труд – пишет о ветеранах, о людях интересной судьбы, о неизвестных ранее фактах из истории казачества…

Он получает письма, живые отклики от читателей, которых подкупают искренность, правдивость его книг, вобравших в себя огонь трагических лет и свет души автора.

Многолетняя плодотворная творческая деятельность Н.Д.Илюмжинова в 2009 году отмечена Российской литературной премией им. А.П.Чехова.

От имени правления Союза писателей Калмыкии и многочисленных поклонников его таланта сердечно поздравляю уважаемого Николая Доржиновича с днем рождения, желаю крепкого здоровья, вдохновения и творческих успехов.

ЭРДНИ ЭЛЬДЫШЕВ,
народный поэт Калмыкии

ДЖАНГАР

Окоие. Начало на стр.7

Мне, Алтану Цеджи, возглавлять
Правую сторону богатырей.
И прекрасный, как ясный сон,
Будет Хонгор тогда возглавлять
Левую сторону богатырей.
Сорок мы покорим держав.
В руки свои навеки взяв
Все дела вселенной всей,
В красоте нетленной всей
Бумбы величие распространим —
Да воссияет из рода в род!
И в золотом совершенстве тогда,
В мире, в довольстве, в блаженстве тогда
Заживет могучий народ».

Сел Алтан Цеджи на коня,
Поскакал бронею звеня,
Свой табун обратно гоня.
Джангар, Хонгор и Шикширги
С превеликою быстротой
К башне помчались Шикширги —
Тополёвой и золотой —
И устроили торжество.

И когда нойон достиг
Лета седьмого своего,—
Четыре хана в жены ему
Дочерей предложили своих,
И простые нойоны ему
Дочерей предложили своих,
Джангар и слушать их не стал,
Ни с чем они удалились прочь,—
В жены взял Ном Тегиса дочь —
Шестнадцатилетнюю Шавдал.
Взял он в руки мирские дела,
Взял он в руки святые дела
И с поры достопамятной той
Стал величаться в народе своем
Совершеннейшим сиротой,
Джангром, единственным в роде своем.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАЛМЫКИЯ
История и современность

Издание в газете «Литературный Кавказ» произведений современных писателей Калмыкии – значительное событие в истории дружеских отношений между народами Кавказа.

Предки калмыков – ойраты – известны в истории с VIII века н.э. Ойратский Союз входил в монгольскую империю Чингис-хана. В конце XIV века, когда в ней произошел раскол, ойраты образовали самостоятельные уделы.

Потомки ойратов, – калмыки в 1609 году вошли в состав Российского государства, создав Калмыцкое ханство на Волге. Они храбро сражались с иноземцами на стороне России.

История становления и развития национальной литературы неотделима от истории народа. В каждый период калмыцкие писатели в процессе творчества не только выражали свое мироощущение, но и создавали цельный образ своего поколения. Поэтому калмыцкая литература выражает духовный мир нации, судьбу самой Калмыкии. Калмыцкая поэзия корнями связана с устным народным творчеством: вершиной его – героическим эпосом "Джангар", сказками, пословицами и народными песнями.

Великий русский поэт А.С.Пушкин в своем творчестве посвятил немало строк калмыкам, а Н.В. Гоголь в очерке «Калмыки» отметил, что «замечательный всякий случай рождает у калмыков песню».

Первые поэтические произведения созданы выдающимся религиозным и политическим деятелем, основателем литературного языка Зая-Пандитой (1599-1662), до революции были известны имена поэтов Шамбы Саджирхаева, Ончхана Джиргала, Боован Бадмы и других.

Зачинателями современной калмыцкой литературы являются Харти Кануков, Антон Амур-Санан, Нимгир Манджиев, Санджи Каляев, Баатр Басангов.

XX век для калмыцкого народа стал веком жестоких испытаний. Первая мировая , братоубийственная Гражданская войны, политические репрессии 30-х годов, Великая Отечественная война против фашистской Германии. В декабре 1943-го калмыцкий народ был несправедливо обвинен в предательстве и был депортирован в районы Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Нация понесла огромные человеческие потери. Не избежала утрат и творческая интеллигенция Калмыкии. Репрессированные по политическим мотивам писатели надолго были исключены из литературного процесса. Среди них такие таланты, как Даван Гаря, Лиджи Карвин, Гаря Шалбуров и другие.

В годы возрождения, после возвращения калмыков из ссылки, широкое признание получило творчество Давида Кугультинова, Басанга Дорджиева, Лиджи Инджиева, Егора Буджалова, Боси Сангаджиевой, Алексея Бадмаева, Морхаджи Нармаева, Алексея Балакаева и других писателей.

Самые значительные достижения национальной литературы связаны с именем Давида Кугультинова, выдающегося калмыцкого поэта XX века. Его жизненный и творческий путь – яркий пример беззаветного служения своему народу. Имя Давида Кугультинова по праву стало поэтическим символом Калмыкии.

Сегодня, в XXI веке, художественные традиции калмыцкой литературы продолжают известные писатели Николай Илюмжинов, Владимир Нуров, Андрей Джимбиев, Николай Бурулов, Валерий Хотлин, Алексей Скакунов, Виктор Папуев и другие.

Мастера родного слова внесли огромный вклад в художественное осмысление времени. В их творчестве наиболее полно и ярко отразился исторический путь калмыцкого народа.

ЭРДНИ ЭЛЬДЫШЕВ,
председатель Союза писателей
Республики Калмыкия

ПОПРАВКА:

В номере №(3)10 ЛК по техническим причинам прошла ошибка. Под фамилией Ирины Коваленко были напечатаны стихи Демидовой. Редакция приносит извинения Коваленко и Демидовой. В одном из ближайших номеров стихи Коваленко будут напечатаны в объеме 1 полосы.

Все представленные материалы выложены в свободном доступе на сайте Клуба писателей Кавказа - www.pisateli-kavkaza.ru

На сайте открыты персональные страницы всех членов Клуба писателей Кавказа.
Добро пожаловать на наш сайт.

Газета «Литертаурный Кавказ» Межрегиональной общественной организации «Клуб писателей Кавказа» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистарции
ПИ №ФС77-38545 от 18. 12. 2009.

Учредитель – Межрегиональная общественная организация «Клуб писателей Кавказа»

САЛИХ ГУРТУЕВ *– главный редактор.*
ЭРДНИ ЭЛЬДЫШЕВ *- 1-й зам. гл. редактора.*
РАИСА ДИДИГОВА *– зам. гл. редактора.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Муса Ахмадов – чеченская литература, **Гафар Гусейнов** – азербайджанская литература, **Магомет Насруллаев** – аварская литература, **Билял Аппаев** – карачаевская литература, **Борис Гусалов** – осетинская литература, **Бадрутдин Магомедов** – кумыкская литература, **Увжуко Тхагапсов** – черкесская литература, **Эседуллах Новразбеков** – лезгинская литература, **Мадина Хакуашева** – кабардинская литература, **Мурадин Ольмезов** – балкарская литература, **Татьяна Кулик** - Краснодар, **Фарида Сидахметова** – ногайская литература, **Лариса Шибзухова** – абазинская литература, **Ваха Хамхоев** – ингушская литература, **Юнус Чуяко** – адыгейская литература, **Елена Петросян** – армянская литература.

Дизайн и компьютерная верстка ***Батитова Лейла***

Адрес редакции
360901, КБР, п.Белая Речка,
ул. Бабаева, 75
e-mail: sgurtuev@mail.ru

Газета отпечатана в типографии «Тетраграф»
360000, КБР, г.Нальчик, пр.Ленина, 33

Заказ №

Тираж 1000